

Департамент
культуры
города Москвы

Борисоглебский
переулок 6

ВОЕННАЯ СУДЬБА ГЕОРГИЯ ЭФРОНА

Когда в начале 2000-х годов готовился к изданию Дневник Георгия Эфрона, мы с Вероникой Лосской видели в нем бесценный материал для биографии Цветаевой последних двух лет ее жизни, полученный из первых рук свидетеля и участника ее. Сейчас, через двадцать лет после первого издания Дневника (М.: Вагриус, 2005), внимание к нему приобрело совсем другое направление. Личность автора привлекла к нему интерес не только профессиональных читателей — историков, литераторов, исследователей, но и широкого круга людей, близко к сердцу принявших историю его короткой жизни, их отклики мы видим на просторах интернета.

За последние годы вокруг него сложилась изрядная литературная история. Георгию Эфрону посвящен документальный роман Сергея Белякова «Парижские мальчики в сталинской Москве» (М.: АСТ, 2022), исследование Виктора Сенчи «Как погиб Георгий Эфрон» (Новый мир, 2018, № 4), историко-биографическая работа Марины Ломовской «Я русский по происхождению и француз по детству и образованию» (Звезда, 2024, № 4). А в романе Хелены Побяржиной «Валсарб» (М.: Альпина нон-фикшн, 2023) он стал таинственным спутником души героини.

Сейчас, в год его 100-летия, обдумывая жизнь Георгия Эфрона от рождения в чешской деревне в 1925 г. до гибели в Западной Белоруссии в 1944 г., взгляд подмечает символические знаки войны, отметившие его судьбу с самого первого дня.

О дне рождения Георгия 1 февраля 1925 г. Цветаева записала:
«В самую секунду его рождения на полу возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени» (Сводные тетради. С. 330).

Само слово — взрыв — выбранное Цветаевой, поражает. На него обратил внимание С. Беляков, увидевший в нем символ закольцованности его судьбы.

А 24 марта 1925 г., когда сыну ее не исполнилось и двух месяцев, Цветаева вдруг записывает:

«Мальчиков нужно баловать, — им может быть на войну придется» (Сводные тетради. С. 353).

И исполняла это задание до последнего дня своей жизни.

Марина Цветаева, Сергей Эфрон
с Муром, Ариадна Эфрон
Чехия, Вшеноры, 1925

Российский государственный архив
литературы и искусства

Георгий Эфрон
Франция, 1925–1926

Российский государственный архив
литературы и искусства

В начале 1930-х годов Георгий носил связанную сестрой безрукавку, на которой с левой стороны груди был приколот знак отличия Первого кубанского похода Добровольческой армии. Это знак его отца, участника Первого кубанского (Ледяного) похода под командованием генерала Корнилова, в котором погиб и сам Лавр Георгиевич Корнилов, и университетский друг Сергея Эфрона, вместе с которым он в начале 1918 г. уехал на Дон, Сергей Иванович Гольцев.

Марина Цветаева
с сыном Георгием
Франция, 1933

Российский государственный архив
литературы и искусства

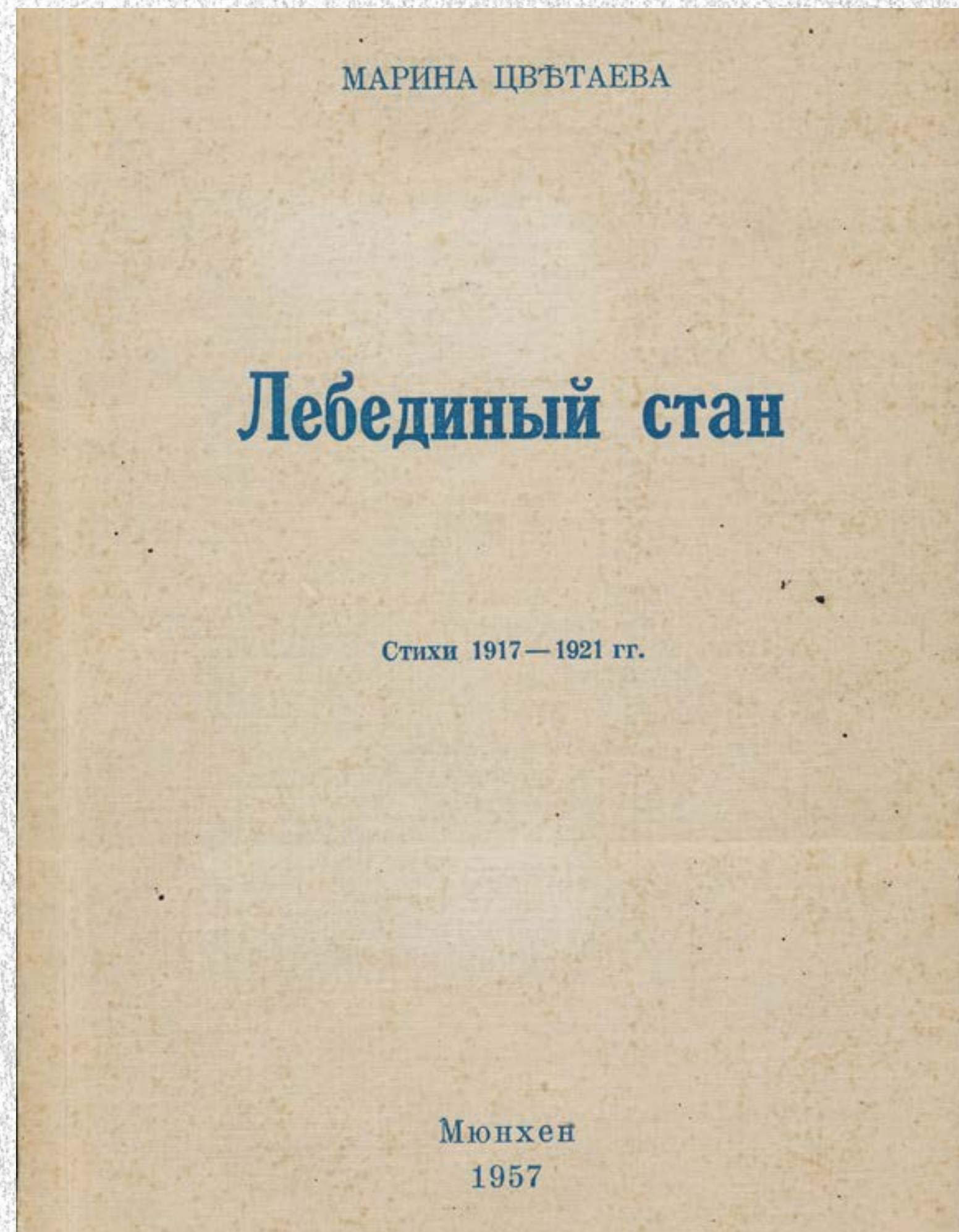
Знак отличия Первого Кубанского похода

Серебряный терновый венок, пересеченный снизу вверх серебряным мечом с золотой рукояткой. Носили его на левой стороне груди на георгиевской ленте с сине-бело-красной розеткой цветов российского флага. У Сергея Эфрона знак был первой степени (офицерский, участника боев) за № 2693.

Дом-музей Марины Цветаевой

Этому героическому периоду жизни мужа Цветаева посвятит сборник стихотворений «Лебединый стан» и часть «Ремесла», став единственным поэтом Белой гвардии:

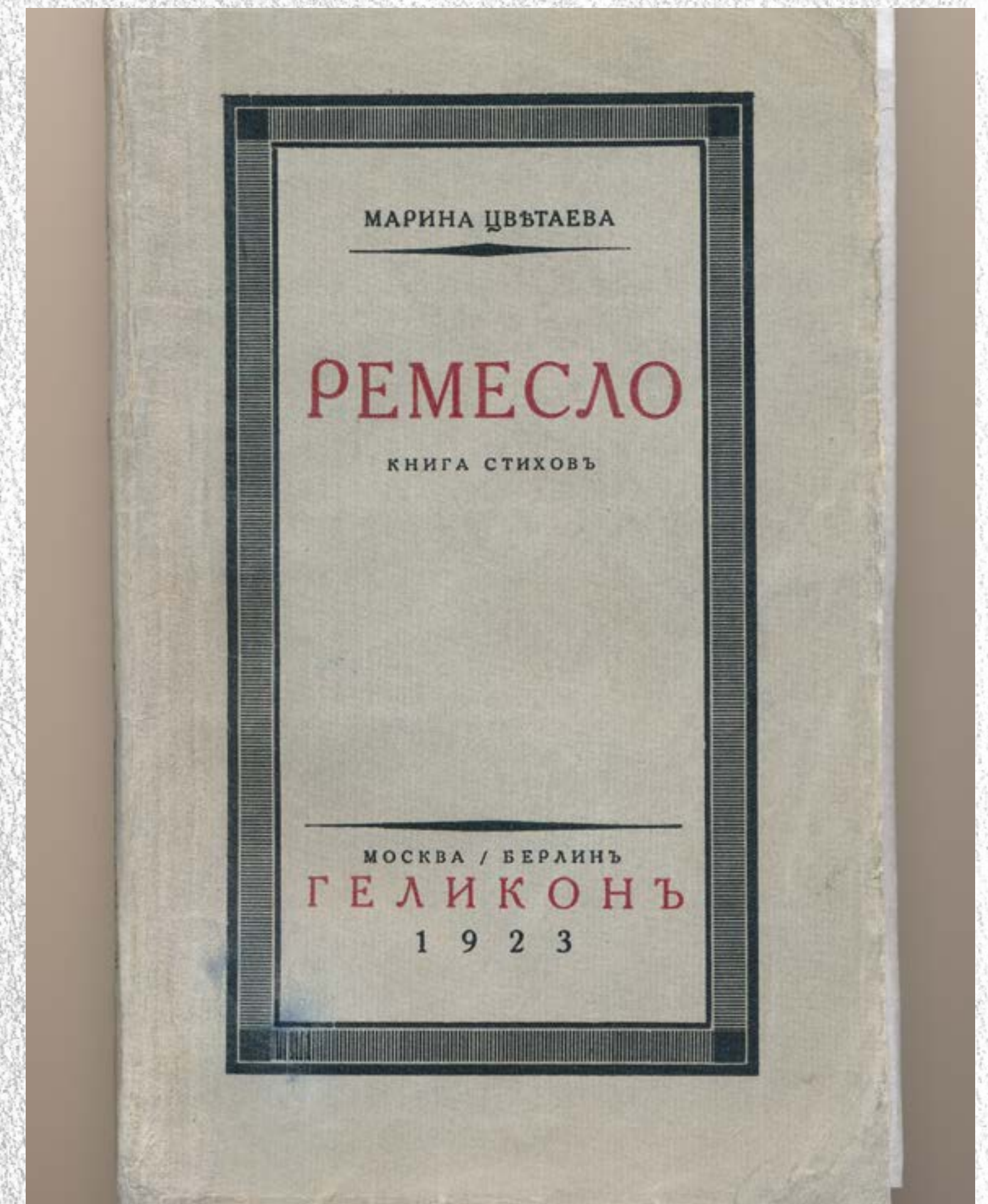
*Белогвардейцы! Гордые узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!*

Марина Цветаева. Лебединый стан:
Стихи 1917–1921 гг. Мюнхен, 1957

Первое издание. При жизни автора
сборник не был опубликован

Дом-музей Марины Цветаевой

Марина Цветаева. Ремесло. Книга
стихов. Москва-Берлин: Геликон, 1923

Дом-музей Марины Цветаевой

К концу 1920-х годов и сам герой «Лебединого стана» к своему прошлому охладел, и в русской эмиграции эта тема сошла на нет. Цветаева же осталась верна ей: она пишет поэму «Перекоп» (1929) и прикалывает на грудь сыну отцовский знак Первого кубанского похода, передавая его по праву наследства, и в самый текст поэмы вовлекает сына.

*Бросит сын мой – дряхлой Европе
– Богатырь – здесь не у дел:
– Как мой папа – на Перекопе
Шесть недель – ежиков ел!*

*Скажет мать: – Евшему – слава!
И не ел, милый, а жрал...
Тем ежам – совесть приправой.
И поймет – даром, что мал!*

Мы не знаем, что сам Георгий думал об этом приобщении к русской военной истории, не ведая ни страны, в которой это событие происходило, ни истории Добровольческой армии; возможно, ему просто нравился красивый значок и он носил его как украшение.

10 июня 1925 г. Георгий был крещен о. Сергием Булгаковым именем Святого Великомученика Георгия Победоносца, покровителя воинства и покровителя Москвы.

О религиозном воспитании сына сохранилось несколько записей Цветаевой. Так, мы знаем, что в 1931 г. он посещал «четверговую школу» у Карсавиных. В 7 лет был на первой исповеди и причастии в мёдонском храме Иоанна Воина у о. Андрея Сергееенко. Старостой храма там была крёстная Георгия Александра Захаровна Туржанская. В том же 1932 г. Георгий был с матерью на Пасхальной заутрене.

Протоиерей Сергей Булгаков
Прага, 1923

Из открытых источников

Святой Георгий Победоносец

Из открытых источников

Возникший в том же году вопрос о начале его школьного образования Цветаева первоначально решала в пользу русской гимназии. О ней у нее было хорошее впечатление со слов Н.П. Гронского, окончившего это учебное заведение.

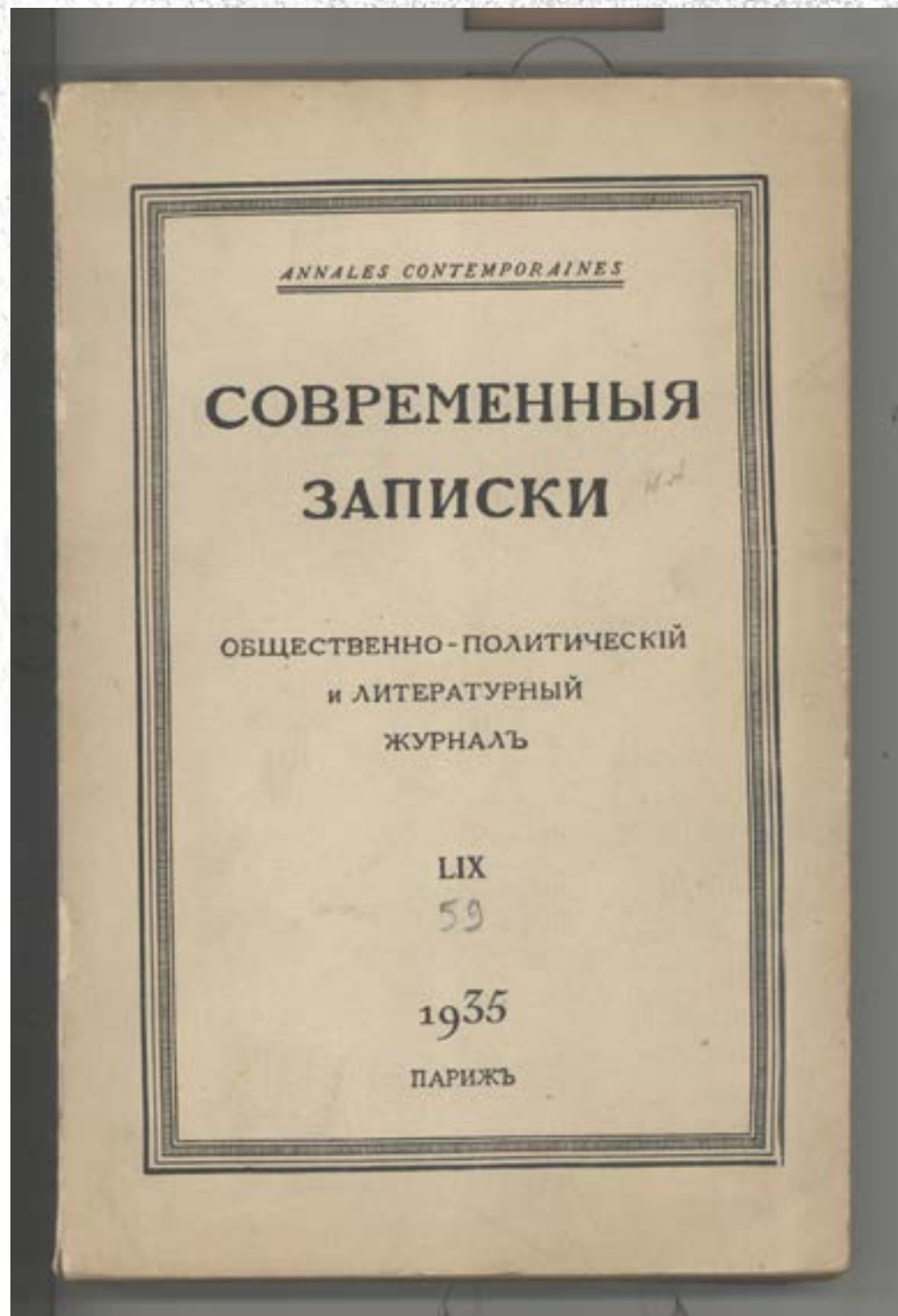

Здание русской гимназии в Париже
1930-е

Из открытых источников

В письмах этих лет Цветаева неустанно отмечает «русскость» сына, его яркое отличие от местных детей. Отказ от русской гимназии решило материальное положение семьи, невозможность переезда из Кламара в Булонь-Бийанкур. Но, вероятно, дело было не только в географии и бедности. В 1931 г. Сергей Эфрон подал прошение о советском гражданстве. Возможность (необходимость) возвращения встала перед Цветаевой со всей неотвратимостью. Исходя из нее надо было строить жизнь. И русская гимназия в нее не вписывалась идейно.

В январе 1932 г. Цветаева пишет цикл из трех стихотворений «Стихи к сыну». При жизни автора было опубликовано только третье из них, первые два увидели свет много позже. Но в избранном кругу она их читала неоднократно, и Георгий, конечно, слышал их и знал.

Современные записки:
Общественно-политический
и литературный журнал. –
Париж, 1935. – Кн. LIX

Дом-музей Марины Цветаевой

З

*Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – спортсмедным*

*Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, –*

*В сём полагая цель.
Ибо в любую щель –
Я – с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.*

*Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –*

*Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист*

*Достался от отцов!
С **той** стороны весов
Я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.*

*Но также – ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –*

*Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом*

Страны своей.

22 января 1932

Так, в ноябре 1935 г. группа советских архитекторов, возвращавшаяся в Москву с Международного архитектурного конгресса в Риме, остановилась на две недели в Париже для осмотра площадки, выделенной под Советский павильон на Всемирной выставке 1937 г. Цветаева с сыном была на их публичном вечере 6 ноября, где доклад «Подземные сооружения» сопровождался слайдами московского метро, а 22 ноября она была гостьей на частной встрече с советскими архитекторами.

А.К. Буров об этой встрече оставил дневниковую запись:

«Вечером были у одного архитектора, где нам вроде как “показали” Марину Цветаеву. Талантливые стихи. О Маяковском кончается так “Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего!” И очень хорошо о Петре и Пушкине (духовном внуке Петра, что ли). И замечательно к сыну – безысходно о себе и с призывом к мальчику – вернуться и иметь Родину – это просто замечательно! До чего же трагично и нелепо существование этих людей! Она скоро возвращается в Союз» (проект «Прожито»).

Архитектор Андрей
Константинович Буров

Из открытых источников

Ни к городу и ни к селу –
 Езжай, мой сын, в свою страну, –
 В край – всем краям наоборот! –
 Куда **назад** идти – **вперед**
 Идти, – особенно – тебе,
 Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? Ее –
 Дитя! То самое былое,
 Которым порастает быть.
 Землицу, стершуюся в пыль,
 Ужель ребенку в колыбель
 Нести в трясущихся горстях:
 «Русь – этот прах, чти – этот прах!»

От неиспытанных утрат –
 Иди – куда глаза глядят!
 Всех стран – глаза, со всей земли –
 Глаза, и синие твои
 Глаза, в которые гляжусь:
 В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
 Русь – прадедам, Россия – нам,
 Вам – просветители пещер –
 Призывное: СССР, –
 Не менее во тьме небес
 Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!
 Езжай, мой сын, домой – вперед –
 В **свой** край, в **свой** век, в **свой** час, – от нас –
 В Россию – вас, в Россию – масс,
 В **наш**-час – страну! в **сей**-час – страну!
 В на-Марс – страну! в без-нас – страну!

Январь 1932

Первые строки первого стихотворения цикла «Стихи к сыну» переосмыслиют расхожую поговорку. Призыв относится не к какому-то определенному городу, или селу, или вообще географически определенной местности, а к обобщенному понятию, почти сказочному «тридевятому царству, тридесятому государству» будущего – «В на-Марс-страну!».

Но от прямого смысла поговорки не отделаться ее видоизменением, он звучит в ушах и отдается в душе. «Ни к селу ни к городу» – то есть не к месту, ни к чему, неуместна эта затея, никуда не приведет.

Наша совесть — не ваша совесть!
 Полно! — Вольно! — О всем забыв,
 Дети, сами пишите повесть
 Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота —
 Вот семейственный ваш альбом!
 Дети! Сами сводите счета
 С выдаваемым за Содом —

Градом. С братом своим не дравшись —
 Дело чисто твое, кудряш!
 Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,
 Наш грех, наш крест, наш спор, наш —

Гнев. В сиротские пелеринки
 Облаченные отродясь —
 Перестаньте справлять поминки
 По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам — и видом
 Не видали! Поймите: слеп —
 Вас ведущий на панихиду
 По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, — как скоро
 Из Медона — да на Кубань.
 Наша ссора — не ваша ссора!
 Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932

А финал второго стихотворения
 цикла словом «брань» снова
 связывает судьбу Георгия с войной.

Осенью 1933 г. Георгий начал свое школьное образование в частной французской католической школе в Кламаре, от которой на первых порах Цветаева пришла в ужас. «Не могу и не хочу видеть, как ребенок на моих глазах, неотвратимо и неудержимо, превращается в нечто чуждое — не только мне, а всем своим корням», — писала она В.В. Рудневу.

Однако Георгий на удивление быстро социализировался в этой школе, увлекся учением, стал первым учеником и пребывал им три года подряд. Цветаева отмечает его истовость в учении — в приготовлении уроков, в увлеченном изучении учебников и словарей, его сознательное стремление к образованию.

Георгий Эфрон с родителями
Франция, Ванв, 1934

Российский государственный архив
литературы и искусства

Георгий Эфрон среди одноклассников
Франция, 1930-е

Музейное объединение «Музеи наукограда
Королёв», отдел «Мемориальный Дом-
музей Марины Цветаевой в Болшеве»

Проучился он в кламарской
школе четыре года: 1933—1937.
Это определило его позднейшую
самохарактеристику:

*«...я русский по происхождению и француз
по детству и образованию».*

С середины 1930-х годов в европейском воздухе стало витать предчувствие грядущей войны, об этом говорили, писали, это обсуждали. И, конечно, это отражалось в сознании ребенка. Цветаева записывает реплики сына.

«А можно спрятаться от войны за занавеску?» (Сводные тетради. С. 457).

«Нужно уехать до войны, за войну, где ее еще нет» (Сводные тетради. С. 550).

Георгий рано пристрастился к чтению газет, которыми был наводнен дом, и живо интересовался расстановкой сил в мире, читал об экспансии возрождающейся Германии, несущей опасность окружающим ее странам, об усиливающемся политическом влиянии идеологии нацизма, его территориальных претензиях.

В сохранившейся школьной тетради Георгия есть сочинение на заданную тему — «Опишите дом, в котором Вам хотелось бы жить. Где бы он находился, как был бы расположен». Вот что пишет одиннадцатилетний Георгий (перевод В. Лосской):

«Я бы хотел жить в доме, построенном исключительно из хромированной стали и строительного камня. В нем было бы два пулемета против авиации и два простых, чтобы защищаться против наступления, если бы началась война.

Он бы находился на плоской территории, вокруг него был бы большой аэродром, полно авионов, танки, арсенал.

Внутри мебель была бы самая современная и удобная. Снаружи он был бы обнесен огромной стеной в сто метров высотой. Сам дом был бы высотой в двести метров. Кроме пулеметов, и танков, и авионов, было бы пять пушек самой последней модели. Мои авионы были бы распределены вот так: 10 истребителей, 10 транспортных, 10 бомбометов и 10 скоростных. Мои танки были бы русскими, очень быстрыми, и они стреляли бы так, что не поздоровилось бы тем, кто бы на меня нападал. У меня были бы запасы воды и еды.

Мой дом находился бы в России, у самой японской границы. Четыре входные двери были бы толщиной в 10 метров и высотой в 12 метров. В них было бы два окошка для надзора, и в этих окошках были бы всажены два страшных револьвера высокоскоростной стрельбы: они стреляли бы в тех врагов, которые решились бы перейти ограду.

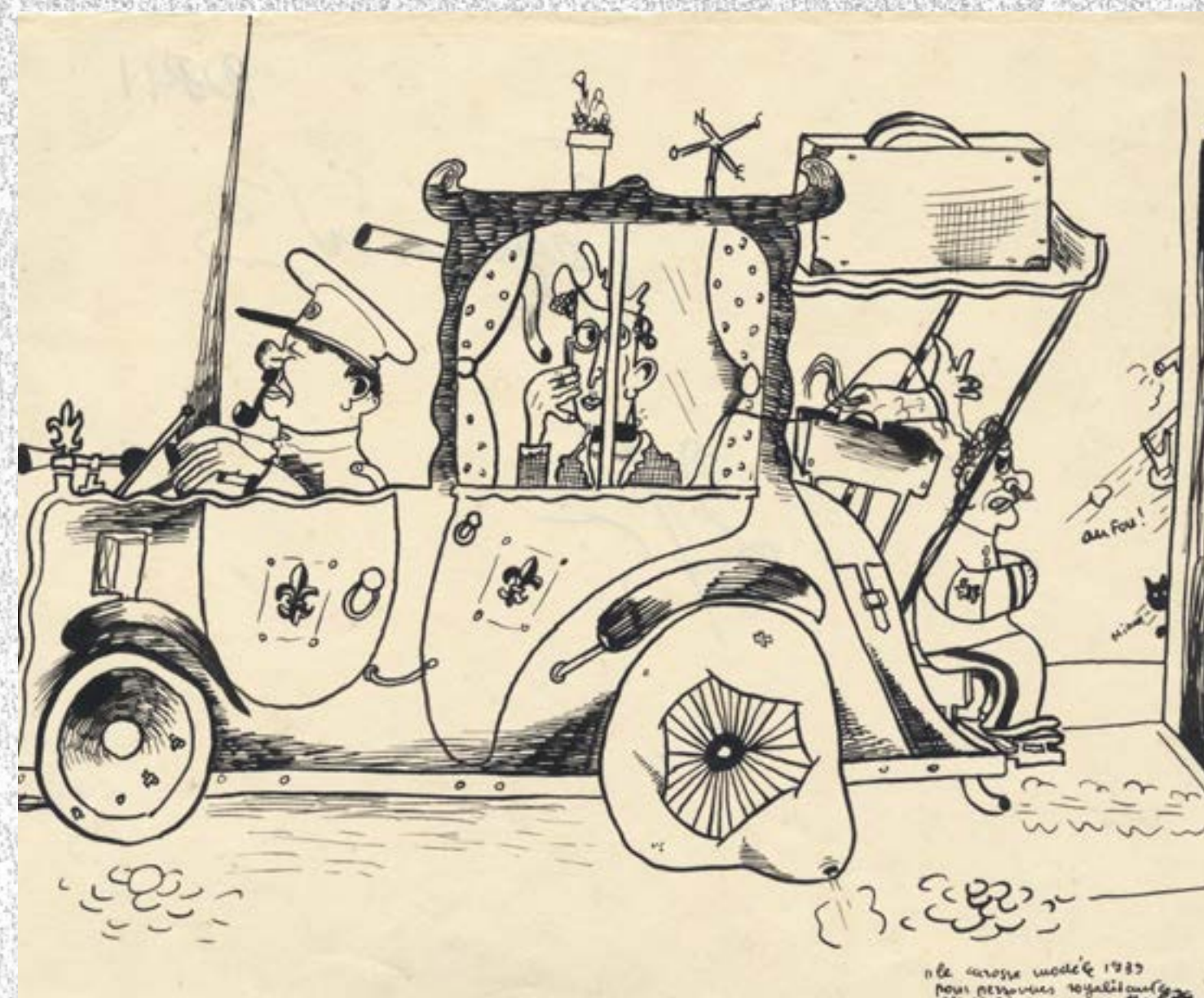
Ограда была бы высотой в 100 метров, толщиной в 10 метров, и по моей воле установленные пушки безостановочно обстреливали бы японцев, которые на меня нападали...» (Записки парижанина. С. 513).

Французской учительнице сочинение показалось очень экстравагантным, и она оценила его в 8 баллов, что при 20-балльной системе оценок было ниже средней. Мы же отметим, что воображаемый дом находился в России, значит, вопрос неизбежного возвращения туда всей семьи к тому времени был решенным. А в свете дальнейшей судьбы Георгия мы не можем не увидеть в его детском сочинении предчувствия одинокого противостояния враждебному вооруженному миру и попытки защиты от него.

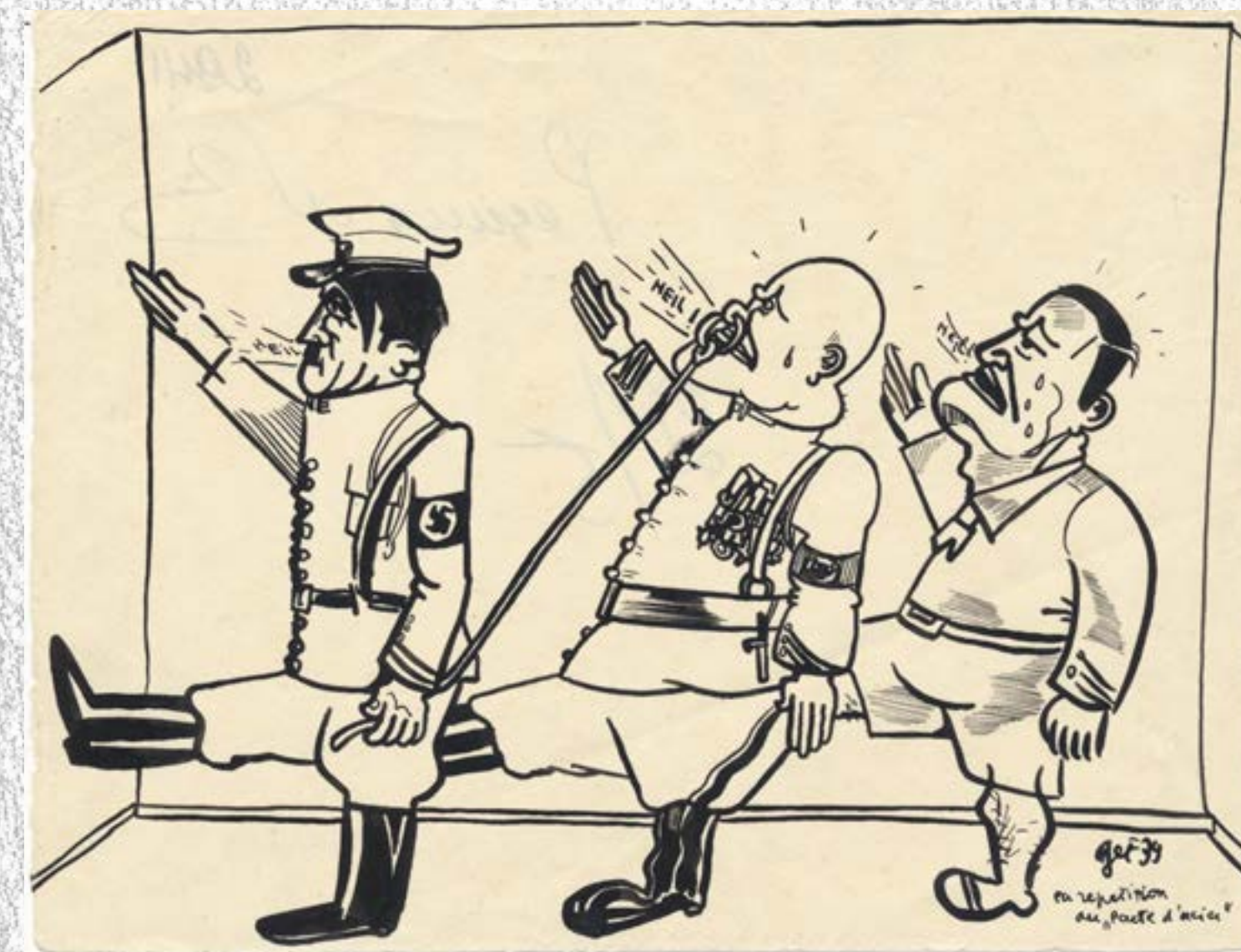
Торговцы оружием
Рисунок Георгия Эфрона, 1939

Дом-музей Марины Цветаевой

Каретка для монархиста
Рисунок Георгия Эфрона, 1939

Дом-музей Марины Цветаевой

Репетиция с союзниками
Рисунок Георгия Эфрона, 1939

Дом-музей Марины Цветаевой

В 1936—1938 годы первыми жертвами войны в Европе стали Испания, Австрия и Чехословакия. Цикл «Стихи к Чехии» (1938—1939) — последнее, что написала Цветаева до отъезда в СССР, и снова в контекст уже начавшейся мировой войны она включает сына.

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище,
Не смутить зверья —
Хата крышей за́щится,
А в лесу — ружья́ —

Сколько бы ни пройдено
Верст — ни одного.
Эти доли — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Славный край!

Все дары природные,
Все — до одного!
Пощеднее родины
Сына— Моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь ни одного
Не было на родине
Сына моего.

Прóкляты — кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Тре́кляты — кто продали,
Век не прощены! —
Вековую родину
Всех, — кто без страны!

Край мой, край мой, проданный
Весь живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

Рейхсканцлер Германии
Адольф Гитлер в Праге
Март 1939

Из открытых источников

Чехия. Вшеноры
Около 1929
Местность, где родился Георгий Эфрон

Дом-музей Марины Цветаевой

В мае 1939 г. Цветаева с Георгием покинут Париж. Они уедут в СССР — в «до войны, за войну, где ее еще нет».

Летом 1941 г. война достигла Москвы. Немецкая авиация регулярно бомбила город, Георгий во время дежурств поднимался на крышу дома на Покровском бульваре тушить зажигательные бомбы. А в эти же дни его сверстник, Анатолий Степунин, живший в бывшей квартире Цветаевой в Борисоглебском переулке, просыпался на рассвете от гула самолетов, выходил на дежурство на крышу и видел в небе над Москвой летящие с запада, от Киевского вокзала, немецкие бомбардировщики.

«Когда началась война, мне было 16 лет. С первого дня налетов на Москву немецкой авиации, в числе других подростков, назначенных в группу самозащиты, я принимал участие в ликвидации пожаров от зажигалок, сброшенных немцами. В течение 9 месяцев дежурил я на крыше своего дома № 6 в Борисоглебском переулке» (Из воспоминаний А.Н. Степунина).

Георгий Эфрон
1941

Дом-музей Марины Цветаевой

Анатолий Степунин
1941

Дом-музей Марины Цветаевой

Георгий безуспешно противостоял паническому страху матери, стремившейся увезти его «за войну, где ее еще нет». Сначала это была дача в Песках Коломенских, а в августе 1941 г. она решилась на эвакуацию в Елабугу, на Каму, в Приуралье.

По дороге в эвакуацию Георгий пытался уговорить мать сойти с парохода в Казани, потом в Чистополе, где он надеялся продолжить учение, поступив в школу. Елабуга, в те несколько дней, что они там пробыли, произвела на него гнетущее безнадежное впечатление, и, провожая мать в Чистополь, он давал ей «наказ»: постараться устроить там хотя бы его, чтобы он смог продолжать учиться.

А между тем и в самой Елабуге всё было не так безнадежно. Приведу свидетельство сверстника Георгия, московского школьника Александра Марковича Плунгяна (1924–2019):

«Во время войны мы были в эвакуации в Елабуге, где я окончил десятилетку и поступил в эвакуированный в этот город Воронежский университет, где преподавателями почти по всем предметам были ленинградские ученые. /.../ В 1942 г. я близко познакомился с археологами, историками и этнографами из Института истории материальной культуры, Эрмитажа и Русского музея – М.И. Артамоновым, П.П. Ефименко, Беляковым и др., почти ежедневно общался с ними и присутствовал на всех научных заседаниях. Мы жили на улице Азина, а Артамонов с семьей через овраг: в его доме располагалась бывшая библиотека миллионера-зерноторговца Стахеева в несколько тысяч томов по истории, литературе и этнографии на нескольких языках, включая латынь, которой я, с его разрешения, постоянно пользовался» (Г.Г. Ершова. Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. РГГУ. М., 2019. С. 674).

Елабуга
1960-е

Дом-музей Марины Цветаевой

После гибели матери и кратковременного пребывания в чистопольском детском доме Георгию удалось вернуться в Москву. Он привез к тетке, Елизавете Яковлевне Эфрон, в Мерзляковский переулок, сундучок с рукописями матери и ее вещами, бывшими с ней в Елабуге, встречался со школьными товарищами, ждал возобновления занятий в школе, бывал в оставленной ими в спешке отъезда комнате на Покровском бульваре, в Новодевичьем монастыре у Садовских, куда Цветаева перевезла свой архив, библиотеку, зимние вещи, что-то продавал, покупал книги, еду, получал гонорары матери за напечатанные переводы, ходил в Библиотеку иностранной литературы. В середине октября немцы дошли до ближних пригородов Москвы. Георгий видел панику 16 октября и решил не испытывать судьбу. С последним писательским эшелоном он эвакуировался в Ташкент.

Баллады и песни английского
народа: Сборник
Москва, Ленинград: Детгиз, 1942
В сборник входит английская
народная баллада «Робин Гуд спасает
трех стрелков» в переводе Марины
Цветаевой. Гонорар за эту публикацию
получал уже Георгий Эфрон

Дом-музей Марины Цветаевой

Два ташкентских года подробно, день за днем, описаны им в дневнике. Ежедневная борьба за существование, за пропитание, за пропуска в столовые, за талоны на выдачу продуктов, безденежье, болезни, долги и наряду с этим борьба за мечту об образовании, интеллектуальной работе, достойной жизни. Он окончил девятый класс школы, много читал, основательно познакомился с русской литературой, посещал занятия литературного кружка в доме пионеров, задумал роман и начал наброски к нему. Несколько раз ему приходилось отражать атаки на свою жизнь со стороны общественного устройства военного времени — то в виде отправки на работу в колхоз, то призыва в трудовую армию.

Но о войне он пока только читал в газетах, анализировал решения мировых политиков и военные сводки со всех фронтов, комментировал возможности дальнейшего развития событий и в дневнике, и — с большим успехом — среди соседей по дому.

Приказ о призыве граждан 1925 года рождения на действительную военную службу был опубликован 31 декабря 1942 г.

Георгий Эфрон к тому времени учился в выпускном классе средней школы.

2 января 1943 г. вместе со своим школьным товарищем-одногодкой он явился в военкомат. Они прошли, по его выражению, «подобие медкомиссии», заполнили анкету и на следующий день получили явочные карточки — товарищ Георгия в артиллерийское училище, а Георгий в трудармию. Все окончившие свыше 7 классов получали направления в военные училища, поэтому Георгий добивался приема военкома в надежде быть зачисленным в подобное училище, но после собеседования с ним комиссия оставила свое решение без изменения. Понятно, что изменению его судьбы мешала анкета: место рождения — Прага, до 14 лет жизнь во Франции, двое арестованных

**Георгий Эфрон. Фото на документы
Ташкент, 1943**

Дом-музей Марины Цветаевой

в семье. Трудовая армия, по отзывам осведомленных людей, представляла собой в его глазах каторгу: рытье каналов, окопов, работа в колхозах и на заводах.

Этот перелом в своей судьбе Георгий воспринял трагически. Он перестал ходить в школу, продал часть учебников, кожаное пальто, часть книг, купил ватник, шапку-ушанку, добыл рюкзак.

Однако через месяц, 2 февраля, в военкомате ему выдали обратно паспорт и приписное свидетельство. Он был «зачислен в резерв до особого распоряжения».

Здание консерватории
Ташкент, начало 1950-х

Из открытых источников

Здание публичной библиотеки
Ташкент, конец 1940-х

Из открытых источников

Письмо Георгия Эфрона к
Самуилу Гуревичу
Ташкент, 25 мая 1942

Музейное объединение «Музеи
научного града Королёв», отдел
«Мемориальный Дом-музей
Марины Цветаевой в Болшеве»

Возобновив занятия в школе и подготовку к выпускным экзаменам, Георгий стал строить планы о возвращении в Москву и поступлении в вуз. Но 23 мая, в начале выпускных испытаний, была объявлена поверочная регистрация всех военнообязанных, призывников и военнослужащих по месту учета. Регистрация проводилась с 1 июня по 1 июля, то есть время экзаменов ему приходилось посвятить военкоматским очередям и волнениям неопределенности.

«Что бы я хотел, – пишет он в дневнике 27 мая 1943 г., – выдержать экзамены, получить аттестат, уехать в Москву и поступить там в МГУ или, если он не приедет, в какой-нибудь ВУЗ литературный или иностр. языков. Может – найти работу, скажем, в Радиокомитете; работать в ГЦБИЛ над французской литературой, работать серьезно (читать, сравнивать, делать выписки); цель – написание “Истории современной французской литературы”, охватывающей период между войнами 1914–1918 и 1939-го гг. Этот путь – культурный, литературоведческий, писательский, переводческий – мой единственный путь. Все остальное – не по мне. И трудфронт, вероятно, был бы катастрофой. Но может, это лучше, чем просто фронт?»

4 июня было принято решение о его мобилизации в промышленность с предстоящей работой на заводе в Ташкенте. Но в назначенный день явки он получил отсрочку – на неделю, потом вторую – на пять дней и т.п., эти бесконечные отсрочки окончательно сорвали ему экзамены.

5 августа он снялся с учета в ташкентском военкомате в связи с отъездом в Москву, зачислен в запас и получил военный билет.

Российский государственный архив
литературы и искусства

Стремление в Москву становится теперь его главной целью. Но осознает он и опасность возвращения:

*«Там у меня гораздо больше шансов, — записывает он 10 августа, — чем здесь, быть забранным в армию, на завод или отправленным на лесозаготовки или в колхоз. Но зато там есть, так сказать, *contrepoids*¹, на который я рассчитываю: Толстые».*

Заметим, забегаая вперед: расчет оказался неверным, вернее преувеличенным — Толстой мог прислать ему вызов в Москву, мог написать ходатайство о зачислении его в Литинститут (без аттестата, в середине первого семестра), но не смог достать ему бронь от мобилизации.

Ташкент, который мог бы спасти Георгия, стал ему невыносим. Очень устал он от одиночества, мучительных хлопот по жизнеобеспечению, постоянного безденежья, долгов, спекуляций, унижений и безделья — отсутствия увлекательного дела, занимающего все помыслы.

После неоднократных продлений пропуска, неудач с добыванием билета на поезд, 27 сентября 1943 г. Георгий Эфрон выехал из Ташкента.

Алексей Николаевич Толстой

Из открытых источников

¹ Противовес (фр.)

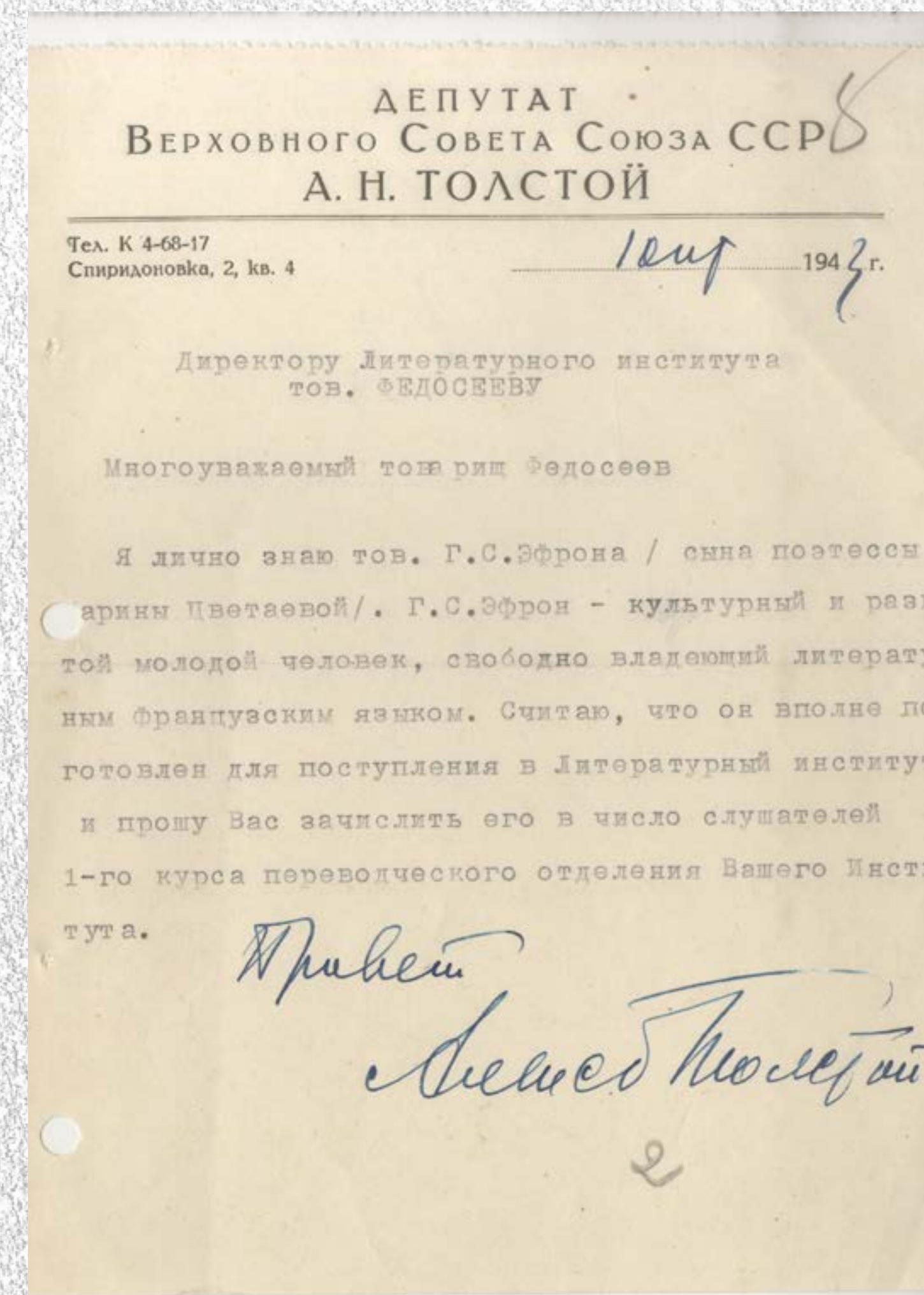
В Краснопресненский военкомат (по месту жительства у теток в Мерзляковском переулке) Георгий Эфрон явился 11 октября, сдал паспорт и военный билет и получил увольнительную «для устройства дел» до 15 октября (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 296).

На устройство дел у него, по-видимому, ушел ближайший месяц, во время которого ему удалось зачислиться на 1-й курс Литературного института.

Москва. Здание
литературного
института

Из открытых
источников

Письмо А.Н. Толстого к директору Литературного института Г.С. Федосееву с просьбой зачислить Георгия Эфрона на переводческий факультет Москва, 1 октября 1943

Российский государственный архив
литературы и искусства

Но и там его не миновала попытка военкомата, на этот раз Советского района (по месту его нового пребывания), мобилизовать его в промышленность. В его бумагах сохранился черновик письма, вероятно отправленный в военкомат, и этой мобилизации ему удалось избежать.

«Военному комиссару Советского района г. Москвы

Главное управление учебных заведений ССП СССР просит Вас освободить от призыва по мобилизации в промышленность студента 1 курса Литературного института ССП СССР тов. Эфрон Георгия Сергеевича.

Тов. Эфрон Г.С. , одаренный молодой писатель, в совершенстве владеющий французским языком, с успехом обучается в Литературном институте и по договорам ведет переводческую работу в Радиокомитете.

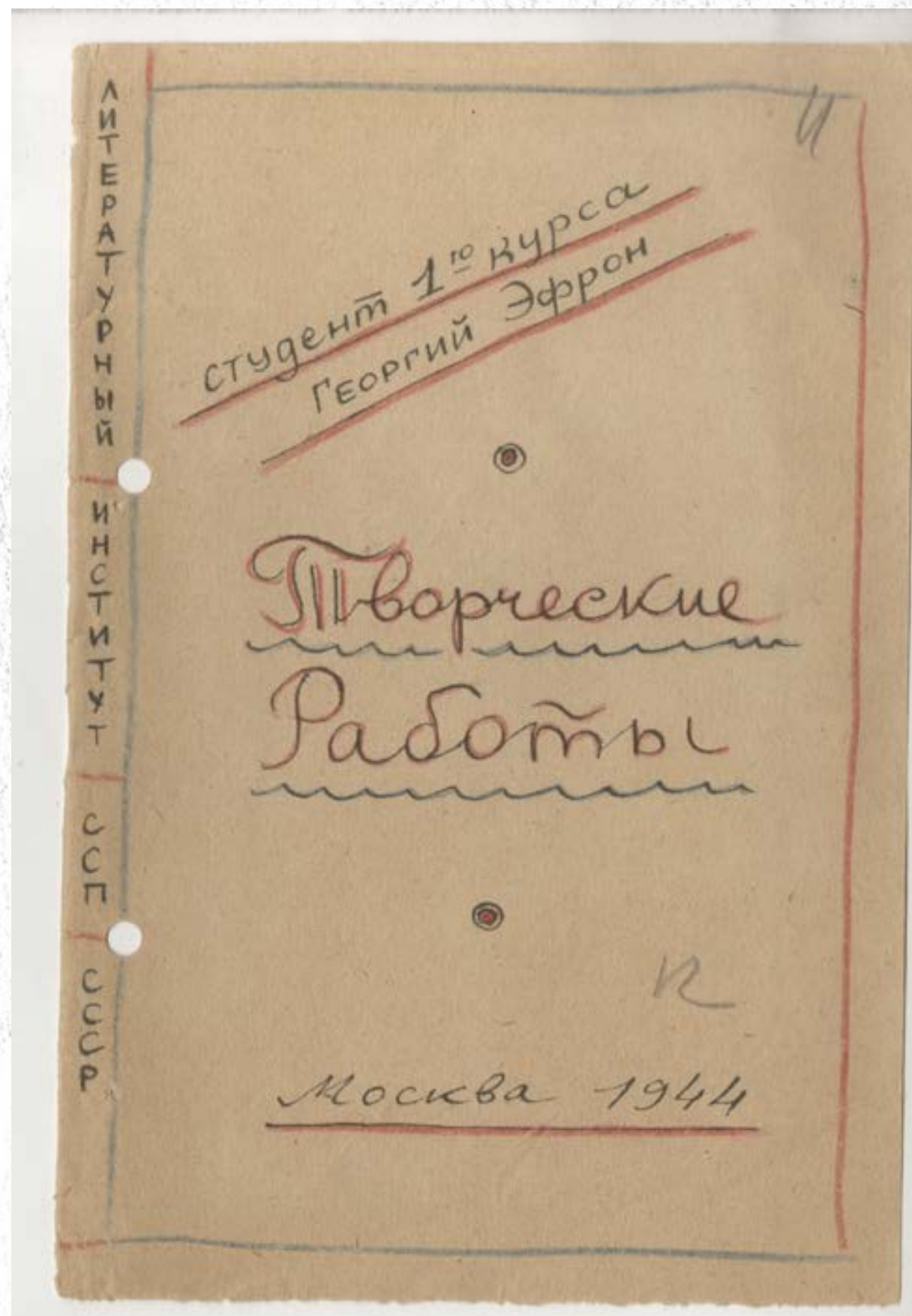
Начальник ГУУЗ

Правления ССР СССР

П. Скосырев»

(РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 297)

Упоминание Радиокомитета означает, что у Георгия появилось временное место работы, куда, по всей видимости, его устроил Алексей Сеземан, работавший там. Новый адрес местожительства — своя комната, рядом с институтом, вероятно полученная не без участия А.К. Бурова. Наконец, кажется, его жизнь стала налаживаться. Сохранились конспекты лекций, творческие работы, наброски шуточных стихотворений, начало перевода романа Жоржа Сименона.

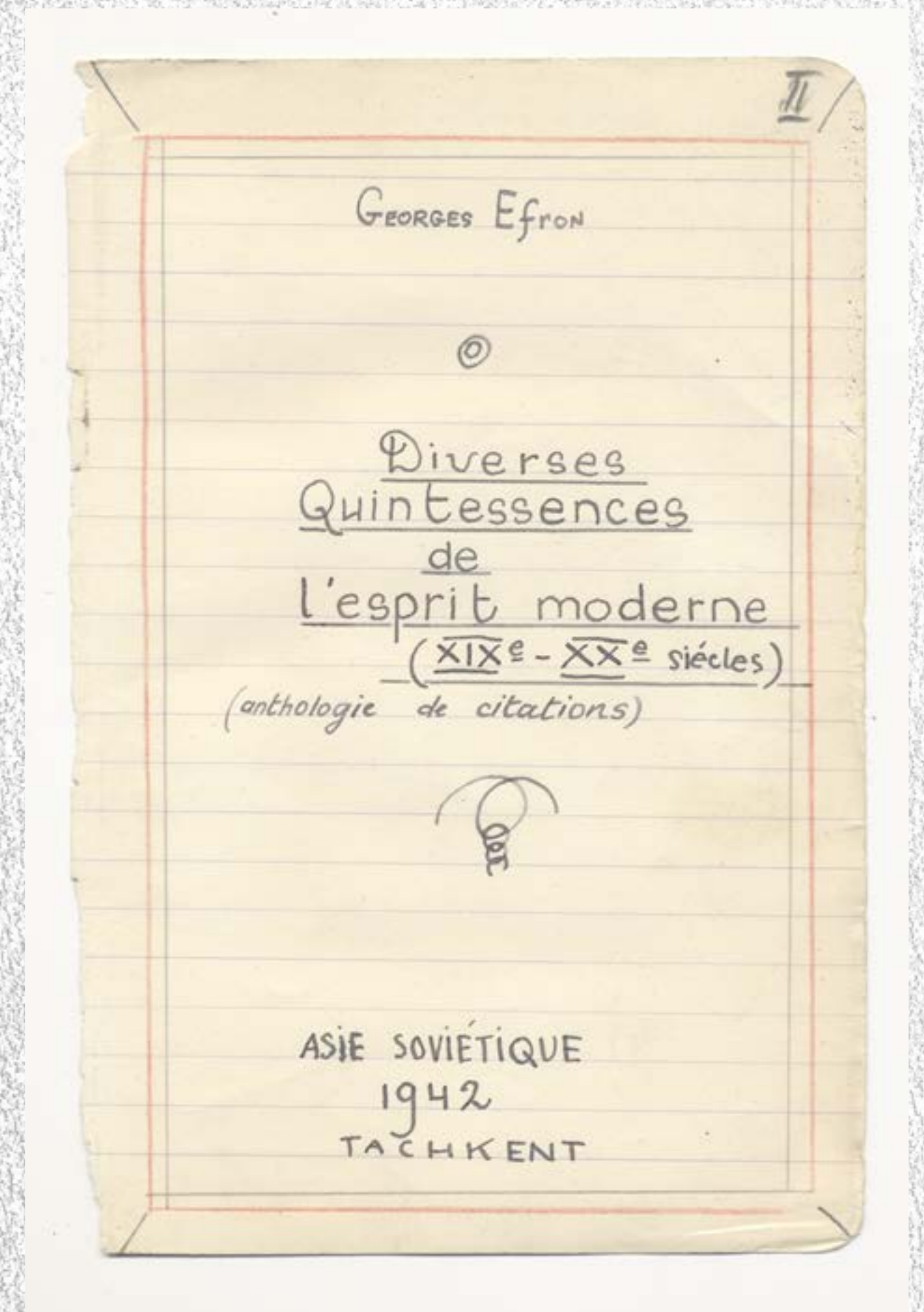
Обложка от студенческих прозаических работ Георгия Эфрона
Москва, 1943–1944

Российский государственный архив
литературы и искусства

Георгий Эфрон. Проба пера. Сборник стихов и заметок. Автограф
Москва, 1941

Российский государственный архив
литературы и искусства

Георгий Эфрон. Различные квинтэссенции современного духа. Антология цитат.
На русском и французском языках. Автограф
Москва, 1943

Российский государственный архив
литературы и искусства

26 февраля 1944 г. Георгий Эфрон был призван в действующую армию и зачислен в 84-й запасной стрелковый полк, базирующийся в подмосковном Алабине, для прохождения строевой подготовки.

В Москву он больше не вернулся.

Сокурсник вспоминает, что Георгий забежал в институт попрощаться уже в военной форме. А проводила его на войну — так сложилось — цветаевская Москва.

Своя комната, которую он обрел на несколько последних недель гражданской жизни, находилась в доме, у которого был двойной адрес: Б. Козихинский пер., 28—30/ Трехпрудный пер., 11/13 — тот самый Трехпрудный, который мать Георгия называла «душой своей души».

А свой последний — 1944-й — Новый год Георгий Эфрон встречал у Буровых, в доме, построенном по проекту А.К. Бурова на ул. Горького, 25 на месте разрушенной Благовещенской церкви, в которой крестили Марину Цветаеву.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Тверской

Из открытых источников

**Дом по адресу: ул. Тверская
(в советское время –
ул. Горького), 25 (арх. А.К. Буров)**

Из открытых источников

В запасном полку № 84 в подмосковном Алабине в ускоренном порядке проводилась военная подготовка и формировались маршевые роты для отправки на фронт. В начале марта 1944 г. в первом письме к Е.Я. Эфрон Георгий описал обстановку, в которой он очутился.

«Милая Лиля!

Огромное спасибо за то, что, несмотря на трудности, Вы все-таки мне уже два раза помогли. Ведь пока я здесь – самое важное – это, чтобы ко мне приезжали. Пишу кратко, потому что спешу на обед, боюсь пропустить. Телефон Алеши В 1–56–41. Обязательно установите с ним связь, и с Буровыми == чтобы помогли, пока я здесь.: Д 1–77–90. Они помогут. 99% “товарищей” по армии – выпущенные уголовники. Мат, воровство страшное, люди абсолютно опустились, голодают все, всё ношу с собой, иначе – украдут. Есть 2–3 симпатичных человека, но не они “делают погоду”. Разговоры только о еде, тюрьмах и лагерях, о людях, роющихся в помойках за объедками; дикая спекуляция всем. Я 2 недели болею только потому, что заставляют ходить на работы несмотря на освобождение, заставляют, например, обувать ботинок на больную ногу и рыть – бессмысленно! == 10 м снега. Ругают – “интеллигент”. Дураков и злодеев очень много. Вы бы содрогнулись, если бы слышали, как меня обзывают. “На дне”. Отсюда все рвутся, патриоты этакие, на фронт – исключительно из-за питания (дураки, а?!) Телогрейку, бумажник “спёрли”, а также – в пересылке – ту замечательную банку колбасы, которую Вы мне дали, когда я уезжал; такая досада! И здесь я – иностранец, но в Москве ко мне благожелательно относились, а здесь – я какое-то чужеродное тело. Чучело гороховое. Я не жалуюсь; это глупо и бесполезно. Я уверен в том, что в дальнейшем я вновь буду на своем месте, буду писать и жить достойно, что мне не удавалось до сих пор. У меня такое ощущение, что я всё время в грязи. Конечно, твержу Маллармэ, причем боюсь, что он пропадет. Дневник запрещено вести. Митька не в худшем, чем я, положении. Наша судьба аналогична. Адрес Буровых: ул. Горького 25, кв. 77. Бегу на обед (!) Пусть приезжают почаще. Деньги очень нужны (хлеб и сахар можно покупать дешевле, чем в Москве). Пусть Алёша и Буровы помогут; иначе они ничего не стоят. Они помогут.

Целую крепко. Ваш Мур».

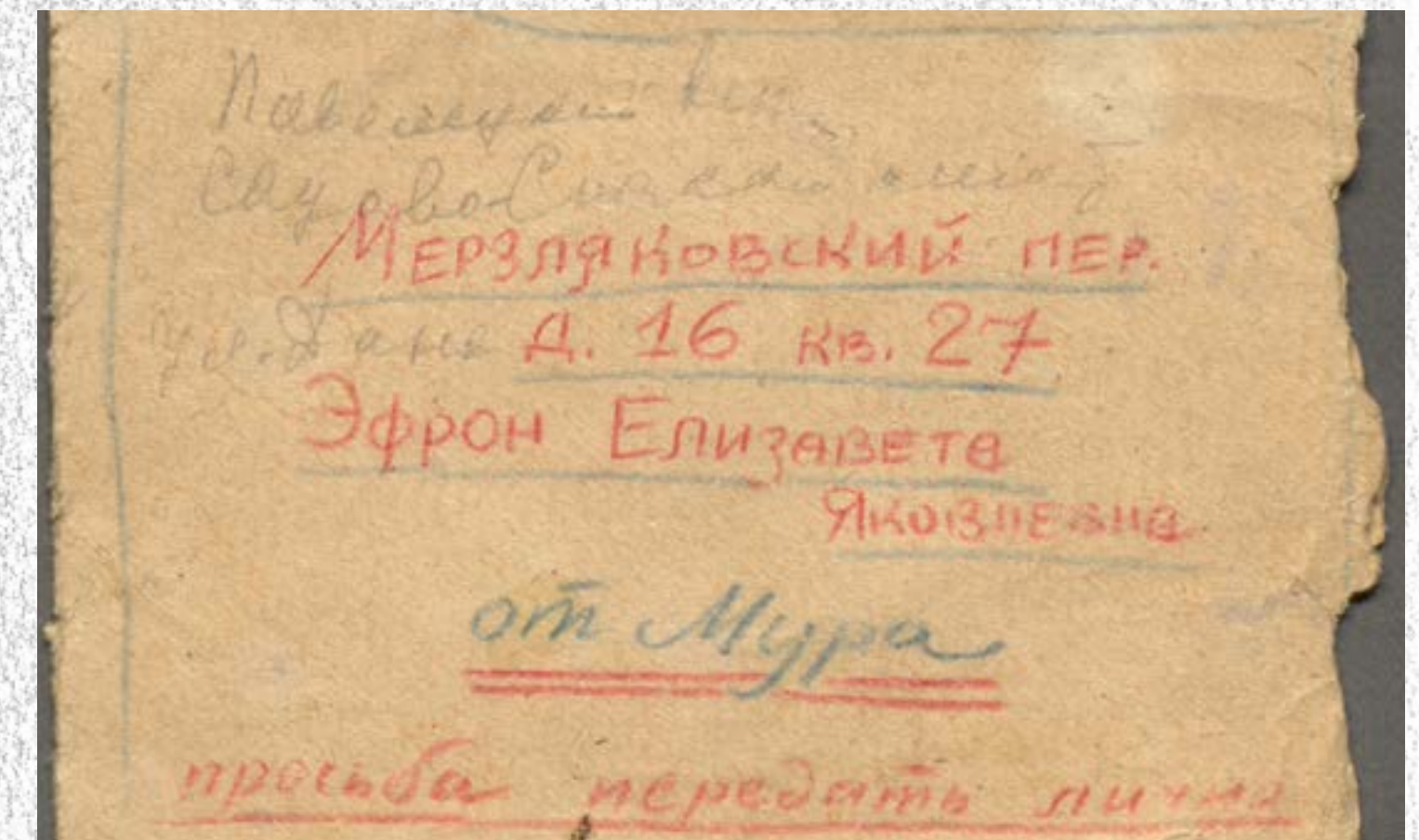
Физическая слабость, невыносимость и хроническая болезнь ног (с Ташкента Георгий страдал повторяющимся рожистым воспалением) осложняли и без того нелегкую жизнь. Но и в ней он находил светлые моменты.

«Здесь есть некоторые симпатичные люди: агитатор, художник, кое-кто из комсостава. Пока что, несмотря на неприиспособленность, “непохожесть” и пр., не получал ни одного так называемого “наряда вне очереди” (ночью мыть полы), быть может, благодаря перманентной тихости и безответности и понимания справедливости – в данной обстановке – (и необходимости) некоторых требований» (письмо 18 марта 1944 г.).

«С 15-го я болею и не хожу на занятия, переписываю пьесу для агитатора, помогаю художникам, стараюсь не попадать на глаза старшине (остальное начальство – ничего), стараюсь побольше отдохнуть в тепле, почитать газеты, раз всё равно ходить нельзя» (конец марта 1944 г.).

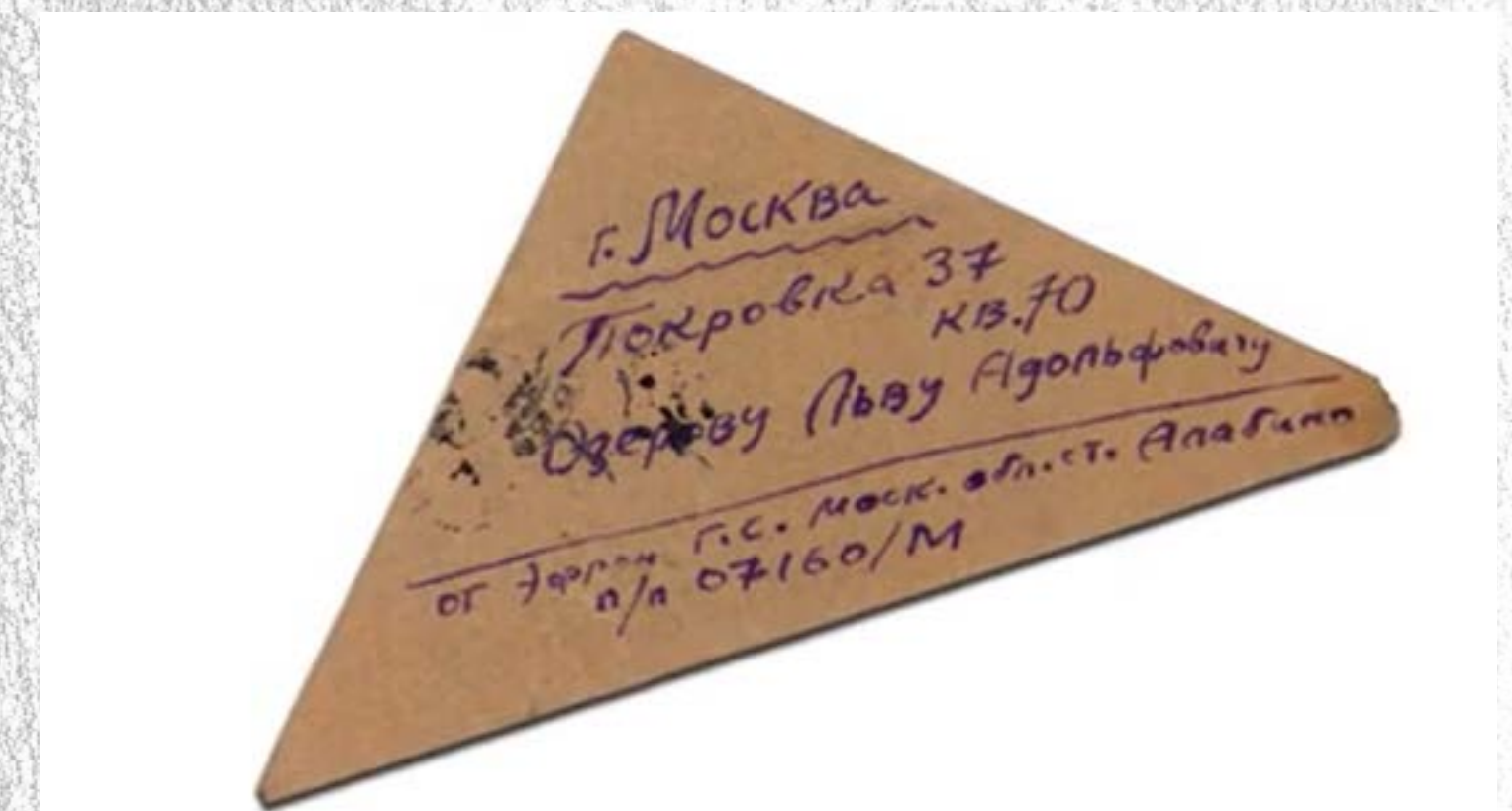
В апреле в составе группы товарищей Георгий был послан в Рязанскую область на лесозаготовки.

«Погода значительно потеплела, лед тронулся, солнце; снега нигде нет; и это-то хоть хорошо, что не холодно. Вдоволь начитываюсь, пропитываюсь Маллармэ, когда-нибудь я буду первый специалист по Маллармэ, напишу о нем книгу, и это не мечты, потому что именно это является для меня реальной действительностью, тем миром, где я буду занимать первое место. – Сейчас же я занимаю одно из последних. Основное – черпать и черпать бодрость. Обычно ее хватает у меня часов до 3-х – 4-х дня; начиная с этого времени со мной начинает твориться неладное, и к вечеру я сижу скрючившись, в ознобе и схватившись руками за голову; меня охватывает какой-то непонятный страх всего и вся и я говорю отрывисто и боюсь двигаться с места» (письмо

Конверт от письма Георгия Эфрона к Елизавете Эфрон и Зинаиде Ширкевич Алабино, конец марта 1944

Российский государственный архив литературы и искусства

Письмо Георгия Эфрона к Льву Озерову Алабино, 14 мая 1944

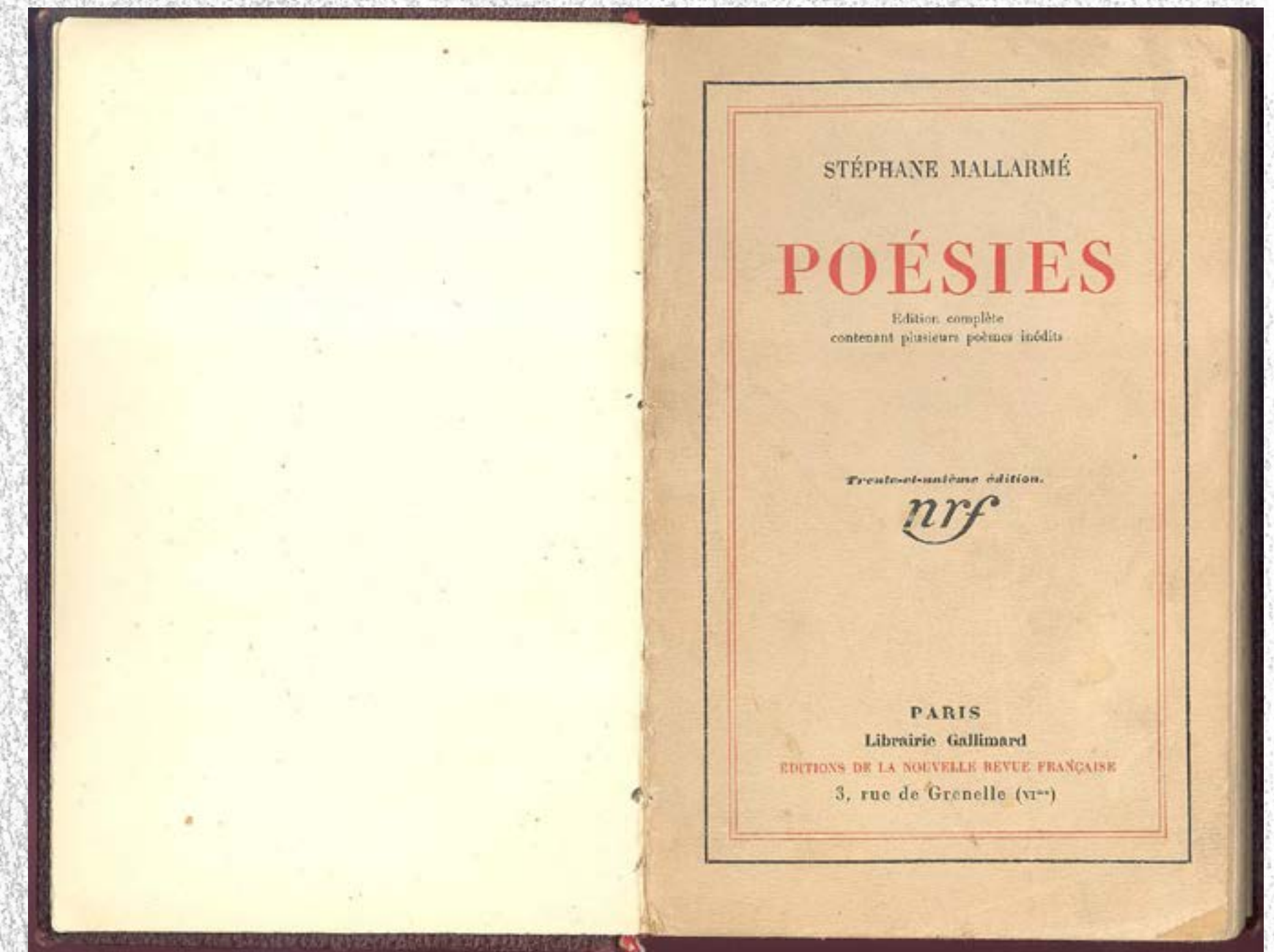
Дом-музей Марины Цветаевой

13 апреля 1944 г.)).

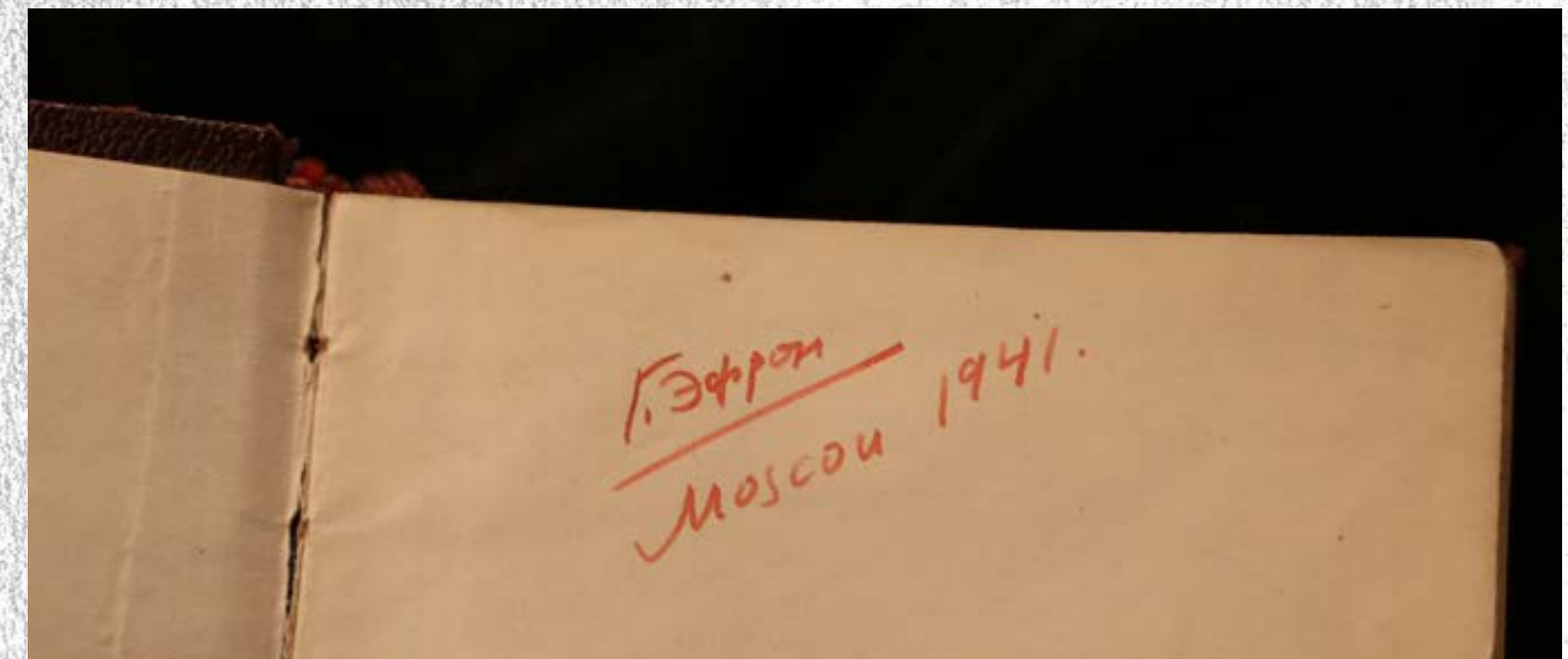
«Я написал вступление к исследованию о Маллармэ; я всё глубже его понимаю и знаю наизусть чуть ли не всё его творчество; и задумал написать работу о современной французской литературе, основываясь на произведениях 25 писателей, и эссе о трех поэтах. Но это – на досуге» (письмо конца апреля 1944 г.).

Отметим попутно, что для русского читателя творчество Стефана Маллармэ абсолютная terra incognita до сих пор, и, наверное, в лице Георгия Эфрона мы потеряли первооткрывателя загадочного поэта, о котором Георг Брандес написал, что понять его могут только французы, для остальных он «невнятен».

В начале мая 1944 г. Георгий вернулся в Алабино и был зачислен в маршевую роту. 18 мая 1944 г. датировано его последнее письмо к теткам из Алабина.

Mallarme Stephan. Poesies
[Малларме Стефан. Стихи]
Paris: Librairie Gallimard, 1926
Сборник, принадлежавший
Георгию Эфрону

Дом-музей Марины Цветаевой

Через несколько дней в составе маршевой роты Георгий был отправлен в действующую армию на Западный фронт, и 27 мая 1944 г. он прибыл в состав 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии, которая была задействована в операции трех фронтов советской армии под названием «Багратион», а именно прорыве немецкой обороны в Западной Белоруссии.

Первое письмо с фронта Георгий написал 3 июня. Его определили на должность писаря:

«Работы много, надо быть аккуратным и прилежным, иначе легко запутаться и запутать других, пока что я со своей задачей справляюсь неплохо и намерен и впредь с ней справляться».

Через несколько дней, 12 июня, он подробно описывает теткам окружающую его обстановку.

«Пишу, сидя в штабе. В комнате соседней слышны звуки патефона, передающие какую-то унылую песню, вернее, заунывную. Сейчас прошел дождь, теперь – бледное солнце. Вчера я был на стрельбище в удивительно красивой местности, около разрушенной мельницы, на берегу прозрачной речки. Луга, луга и поляны... Мне эта зеленая и неприхотливая природа почему-то пришлась очень по душе; в ней нет ничего резкого и кричащего, и когда терпимая погода, то здешние места – замечательны для прогулки. Другое дело то, что сейчас не до прогулок. Но просто-напросто идти по здешним полям доставляет удовольствие.

Часто думаю о Москве, об Институте, который мне понравился, а еще чаще все думы сливаются в одно безразличное впитывание всех извне идущих звуков, запахов и впечатлений (это – в свободное время).

На столе истрепанная книга Стивенсона “Остров сокровищ”, которой увлекаются телефонистки и ординарцы.

Кстати, я подметил одну национальную особенность нашего веселья: оно не веселое в подлинном смысле этого слова. Элемент тоски и грусти присущ нашим песням, что не мешает общей бодрости нашего народа, а как-то своеобразно дополняет ее.

Писать свое хочется ужасно, но нет времени, нет бумаги... Успеется. /.../

Одно совершенно ясно теперь: всё идет к лучшему, война скоро кончится и немцы будут разбиты. Это знают все, весь мир желает этого, добивается этого – и добьется.

Итак, пока, каков итог, каков баланс? Я всегда чувствовал потребность иногда подводить итоги – и особенно в критические моменты моей жизни. 3 месяца запасного полка, 2 недели фронта (... ну и 19 лет жизни!) Что дальше? Всегда все спрашивают “что дальше” и, конечно, никто не может ответить! /.../

Скоро предстоят решающие бои и штурмы; пожелайте мне добрых успехов для участия в них».

30 июня 1944 г., после первого боя, в котором ему довелось участвовать, Георгий пишет теткам:

«В последнее время мы совершаем большие марши, следуя по пятам отступающего врага. Живем, то есть отдыхаем и находимся, в лесах. Походная кухня, рытье окопов (чтобы уберечься от артогна), и всё такое прочее. Бой был пока один (позавчера); постепенно вхожу в боевые будни /.../. Хожу уже с немецкими трофеями: большой нож-штык и кружка, ложка».

Не заметив того, Георгий почти дословно повторил строку Гумилева из его стихотворения 1914 г. «Наступление», участником которого тот был тридцать лет назад, причем не очень далеко от фронтового маршрута Георгия, на том же прибалтийском фронте. В нем тот же пейзаж западных границ России, сходные впечатления, те же чувства.

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.*

*И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.*

*Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей*

*Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.*

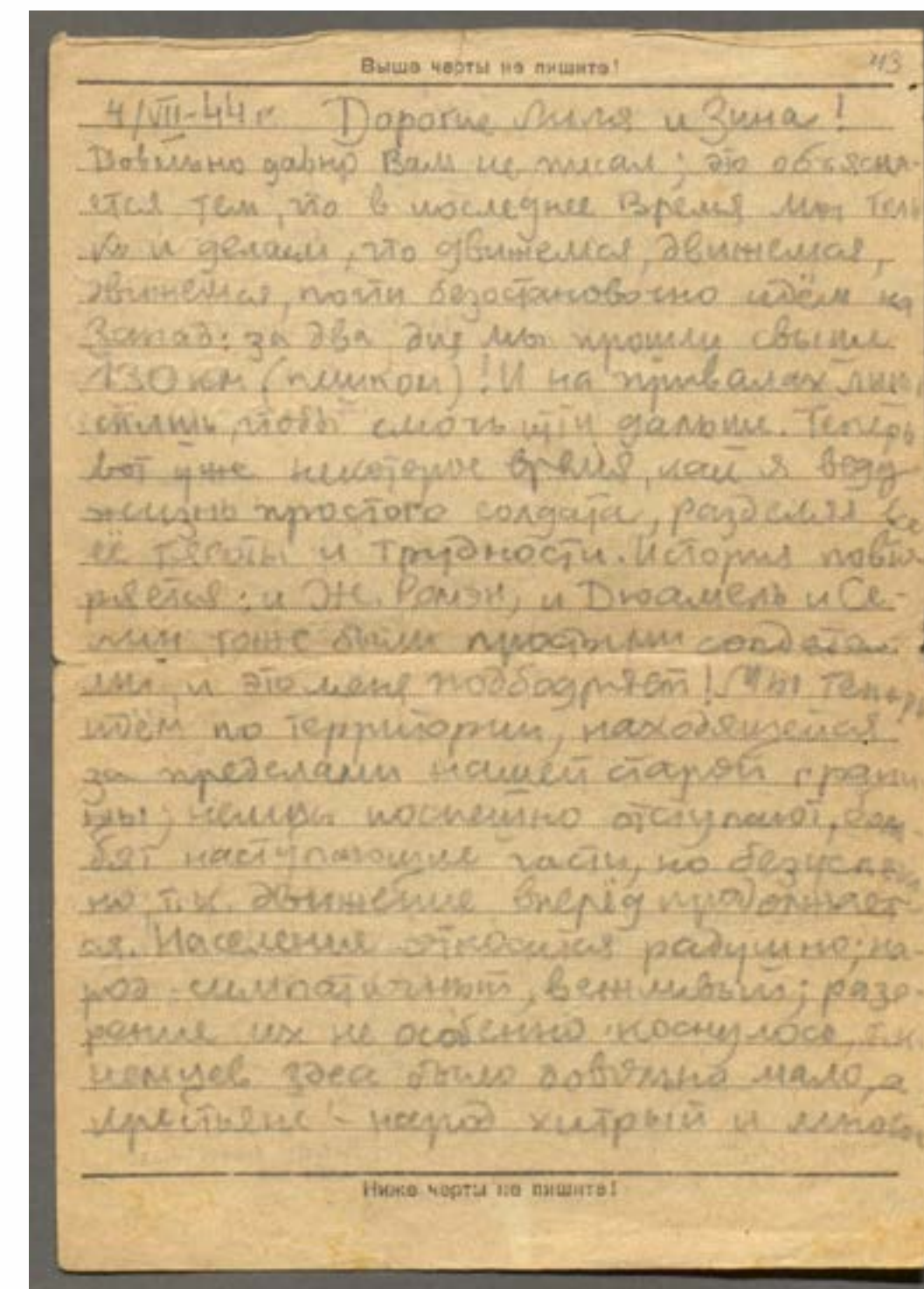
*Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.*

*И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.*

Через несколько дней, после двухдневного 130-километрового марш-броска, Георгий пишет:

«Теперь вот уже некоторое время, как я веду жизнь простого солдата, разделяя все ее тяготы и трудности. История повторяется: и Ж. Ромэн, и Дюамель, и Селин тоже были простыми солдатами, и это меня подбодряет! Мы теперь идем по территории, находящейся за пределами нашей старой границы; немцы поспешно отступают, бомбят наступающие части, но безуспешно, т.к. движение вперед продолжается. /.../ Итак, пока мы не догнали бегущих немцев; всё же надо предполагать, что они где-нибудь да сосредоточатся, и тогда разгорятся бои. Пейзаж здесь замечательный, и воздух совсем иной, но всего этого не замечаешь из-за быстроты марша и тяжести поклажи. Жалко, что я не был в Москве на юбилеях Римского-Корсакова и Чехова! Пишите! Привет. Преданный Вам Мур».

Это письмо Георгий писал 4 июля 1944 г. Через два дня он ушел в свой последний бой.

Последнее письмо Георгия Эфрона к Елизавете Эфрон и Зинаиде Ширкевич 4 июля 1944

Российский государственный архив литературы и искусства

В книге учета рядового и сержантского состава 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта за 1944—45 гг. значится:

«Красноармеец 3 стрелкового батальона 7 стрелковой роты Эфрон Георгий Сергеевич прибыл из 84 запасного стрелкового полка 27.5.1944 г., убит в медсанбат по ранению 7.7.1944 г.» (архив МО — РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 300. Л. 31).

Однако в книги учета 183-го медсанбата имя Георгия Эфрона не внесено. Нет его и в других документах армейских медучреждений.

Архив военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны сообщает:

«... медсанбат 183 эвакуировал раненых в армейские госпитали ХППГ 699, ХППГ 2309, 503, 700, 2329, 2326, ТППГ 2769, СЭГ 1431, ХППГ 126, ГЛР 4404, ИГ 275. Нами проверены имеющиеся на хранении архивные документы всех указанных госпиталей за июль месяц 1944 года, сведений на гр-на Эфрона Г.С. в документах этих госпиталей не имеется» (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 300. Л. 34).

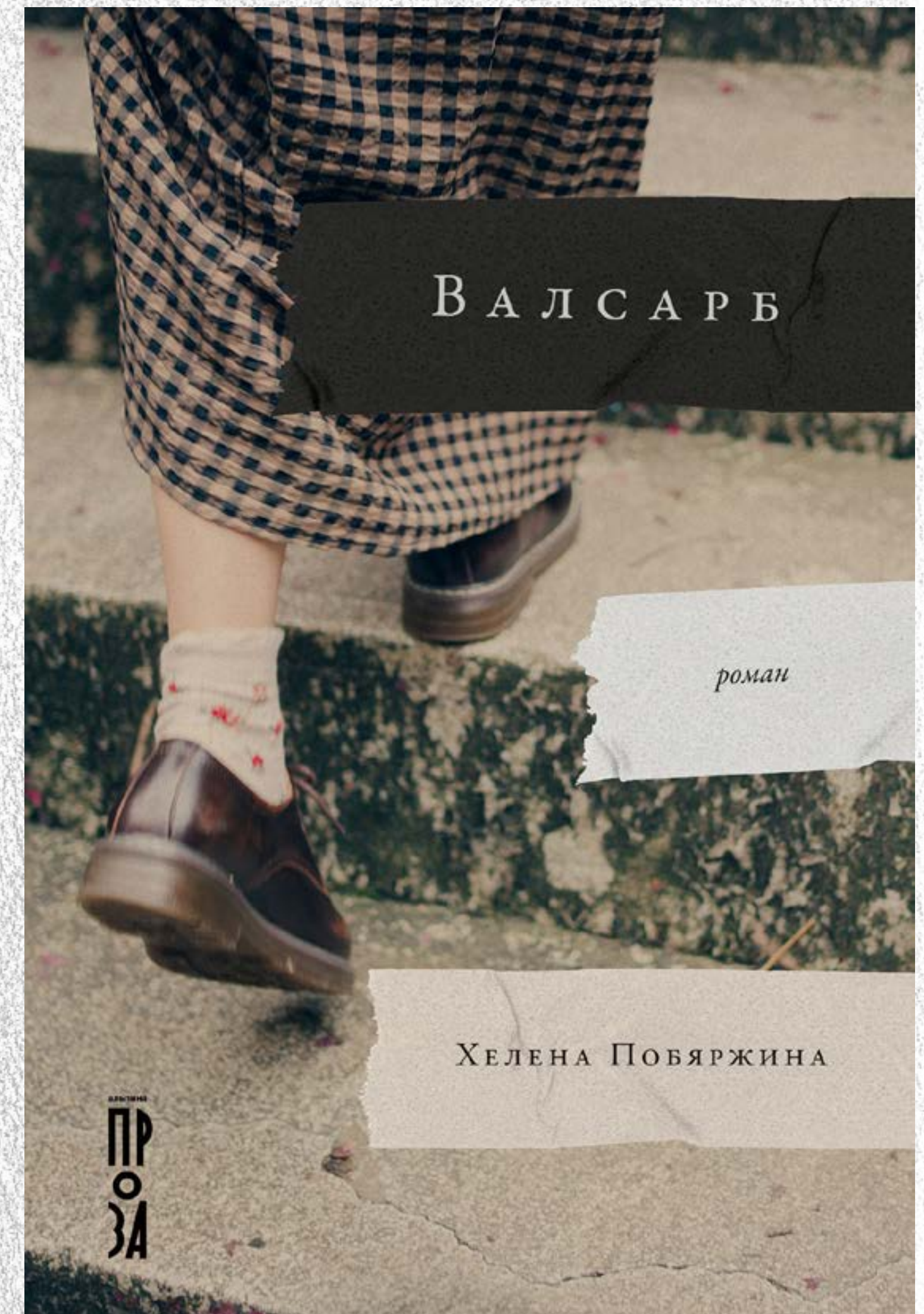
После боя 7 июля за высотку у деревни Друйка из 437-го полка в 183-й медсанбат было отправлено 38 раненых бойцов, в том числе и Георгий Эфрон. Выяснилось, что до медсанбата не добралась целая группа раненых — пять человек, отправленных, вероятно, одним транспортом. В эту группу вошли Латып Абилкаиров, Василий Михайлович Дробозин, Туйлубек Калдыбеков, Николай Анисимович Угнич. Казах, русский, узбек, украинец и «русский по происхождению и француз по детству и образованию» Георгий Эфрон.

Вызывающая наибольшее доверие версия гибели Георгия Эфрона и четырех его боевых товарищей принадлежит писателю Виктору Сенче, исследовавшему все документы об оперативной обстановке в расположении 437-го полка 7 июля 1944 г. В этот день активизировалась авиация противника, бомбившая как боевые порядки, так и тылы, что привело к большим потерям личного состава полка. Раненые, по всей вероятности, отправлялись в медсанбат «обратным порожняком», т.е. военными грузовиками, отвозившими на передний край боеприпасы. А любой грузовик для летчика был законной целью. «Точное попадание авиационной бомбы в грузовик полностью уничтожило бы сам транспорт и всё живое в нем. (Не следует забывать и о детонации бензобака с горючим.) Скорее всего, именно так и случилось. Группа раненых, отправленных в 183-й медсанбат, была уничтожена прямым попаданием авиабомбы» (Новый мир. 2018. № 4. С. 149).

*... Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки –
Точно в пропасть с обрыва,
И ни дна, ни покрышки.
И во всем этом мире
До скончания дней
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.*

Через много лет после описанных событий в Браславе жила девочка. Непохожая на окружающих девочка-поэт. И одинокая неуспокоенная душа Георгия нашла в ней друга и собеседника. Мы встречаем его на первых страницах ее романа, написанного почти через сто лет после его рождения.

«Мемориал с солдатами окружен сквером. Здесь имена на братской могиле написаны по-русски. Это кладбище часто снится мне по ночам. Вот откуда я знаю, что мертвых там больше, чем указано на табличках. Не хватает имени как минимум одного парня. Мемориал всегда минуешь по дороге на автостанцию. Иногда, проходя мимо, я машу этому парню рукой, пока мама не видит. Впрочем, всегда можно сделать вид, что машешь вороне, сидящей на сосне. Сосен здесь много, а ворон над братской могилой больше, чем семечек в подсолнухе».

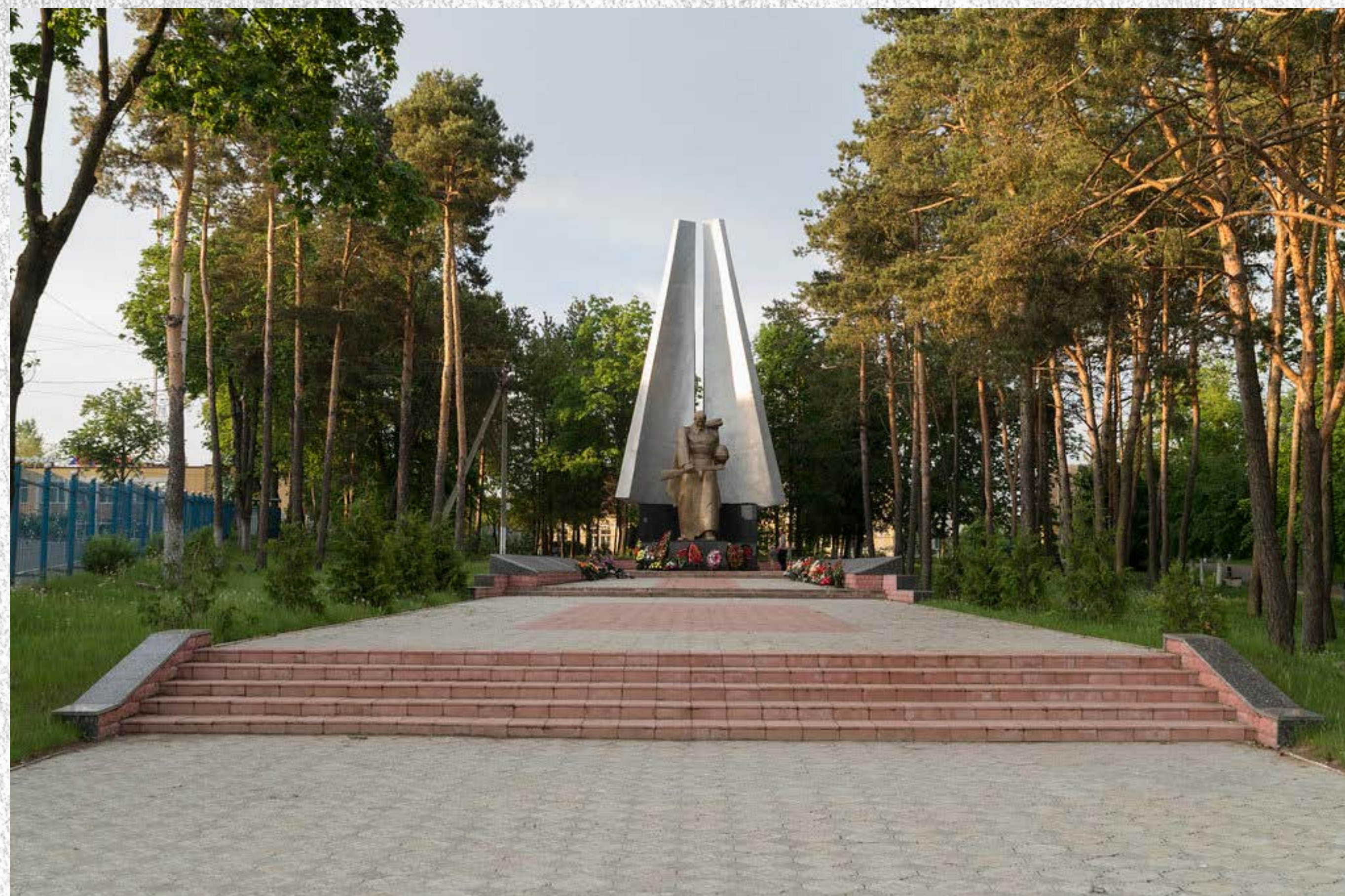
Хелена Повяржина.
Валсарб. М.: Альпина нон-фикшн, 2023

В 1970-е годы имя Георгия Эфрона написали на обелиске, установленном близ деревни Друйка на могиле неизвестного солдата. Этот кенотаф послужил препятствием внесению имени Георгия на плиты Браславского мемориала воинской славы. Но мы верим, что со временем Георгий Эфрон займет свое законное посмертное место в многонациональном боевом строю воинов Браславского мемориала, отдавших жизнь за освобождение Белоруссии.

Елена Коркина
9 апреля 2025

**Братская могила воинов-
освободителей, г. Браслав,
Браславский район,
Витебская область**

Из открытых источников

АВТОР КОНЦЕПЦИИ,
КУРАТОР ВЫСТАВКИ

Елена Коркина

ПОДБОР ПРЕДМЕТОВ

Марина Доронина
Ксения Логущкина

РЕДАКТОР

Любовь Викулина

ВЕРСТКА

Александра Миндрина

Дом-музей Марины Цветаевой
Москва, 2025